

Патьяна Алюшина

Девочка моя,
или Одна кровь на двоих

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина

**Девочка моя, или
Одна кровь на двоих**

«ЭКСМО»

2013

Алюшина Т. А.

Девочка моя, или Одна кровь на двоих / Т. А. Алюшина —
«Эксмо», 2013 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-62398-3

Маша научилась жить без него. Вставать по утрам, погружаться в рутину ежедневных дел, строить карьеру... Она даже вышла замуж. Но и это не могло полностью разорвать ту незримую связь, что установилась когда-то между Машей и Дмитрием. Он спас ее, вымолив у Бога, силой отняв у болезни, и теперь у них одна кровь, одна судьба.

ISBN 978-5-699-62398-3

© Алюшина Т. А., 2013

© Эксмо, 2013

Татьяна Алюшина

Девочка моя, или Одна кровь на двоих

День не задался с самого утра.

Дмитрий Федорович Победный любил неспешно со вкусом попить утренний, свежесваренный, обжигающий кофе, который бесподобно готовила его домработница Ольга Степановна. Впрочем, она все готовила бесподобно, очень талантлива была по части домашнего хозяйства, за что он ее и ценил.

Отхлебнув первый священный утренний глоток, прочувствовав его вкус и аромат, Дмитрий Федорович неловко поставил чашку, и она, тихонько дзинькнув о блюдце, издала звук, похожий на маленький взрывчик, раскололась ровно пополам, освобождая из ограниченного чашечного пространства горячую жижу и антрацитовые развалы черной гущи. Радуюсь освобождению, кофейная жидкость отсалютовала, обдав светлые брюки и рубашку Победного черными брызгами.

Пришлось переодеваться под расстроенные восклицания Ольги Степановны и по второму заходу начинать завтрак.

Фарфоровый чашечный взрывчик стал выстрелом стартового пистолета, открывающим забег цепляющейся друг за друга череды неприятностей этого дня.

Часа через полтора после его приезда на работу, предсмертно зашипев, сдох кондиционер в кабинете, и комната стала стремительно нагреваться, словно в нее засунули гигантский кипятильник.

Дмитрию Федоровичу, единоличному хозяину и главе огромного концерна, находясь в помещении со стеклянной стеной, открывающей сказочной красоты вид на стольный град Москву в южном направлении с заоблачного этажа помпезно-выпендрежного современного здания, представилась уникальная возможность почувствовать себя запекаемой рыбой.

Не помогали ни плотно закрытые жалюзи, ни мгновенно принесенные, неизвестно где раздобытые Галиной Матвеевной вентиляторы. Персона такого уровня, тщательно охраняемая офисными, домашними, ресторанными, авиалайнерными и автомобильными кондиционерами от выкрутасов природы и чудес ожидаемого глобального потепления, с удивлением обнаружила невесть откуда занесенную и рухнувшую в эти первые дни июня на многострадальную Москву небывалую жару.

Дмитрий Федорович терпел, варился, зверел понемногу, подумывая, а не взять ли необходимые документы и не перебраться ли в кабинет кого-нибудь из замов, шуганув его из личного рая комфортной температуры, или уехать уже, на фиг, домой и там спокойно поработать, но непрекращающиеся звонки, запланированная ранее встреча и селекторное совещание с портовиками не выпускали его из постепенно закипающей кастрюли кабинета, где он плескался обеденной шукой.

– Галя!!! – заорал он во все горло, проигнорировав селектор, попутно отводя душу криком.

– Я здесь! – влетела Галина Матвеевна, его неизменный боевой секретарь, интересная, соответствующая во всех отношениях секретарю такого уровня женщина, возраста, визуально определяющегося в районе тридцати лет.

Тридцать годов быть ей ну никак не могло по причине простой и понятной: работала она у господина Победного последние, дай бог памяти, лет десять, когда у него появился первый приличный офис, и было Галочке в ту пору хорошо за этот нейтральный женский возраст.

– Где мои рубашки, я не понял?! – гроыхало грозное начальство, сваренное до полуготовности, обозревая глубины пустого рабочего гардероба.

Громыхал он, правда, ни в коем случае не на Галочку, а исключительно от расстройства нервов, ее он уважал и все поражался в первые годы их совместной работы, как смог отхватить себе такое секретарское счастье.

Галина Матвеевна, в свою очередь, начальство зорко охраняла, уважала до благоговения и обожала до трепета, что могла себе позволить делать открыто, иногда слегка перебарщивая в своей заботе. В прошлом она единолично справлялась со всеми текущими проблемами, терпя трудный требовательный характер начальника, работу в постоянном авральном режиме, но теперь уже несколько лет заведовала секретариатом господина Победного, строго гоня в хвост и гриву молодых девушек.

– Дмитрий Федорович! – покаянно сцепив ладошки в замок, чуть не плача, повинилась Галина Матвеевна. – Я рубашки и костюмы вчера в химчистку отправила! Надо было освежить!

– Очень вовремя! Подгадала! – проворчал Дмитрий и с силой захлопнул дверцы пустующего гардероба.

– Да кто ж знал!!! – разволновалась до накатывающей слезы Галочка.

Никто не знал! И предположить не мог, что в офисе такого уровня и такой стоимости может сломаться кондиционер, да еще в кабинете самого начальника! Это было так же невозможно, как братски-семейная любовь между Палестиной и Израилем.

– Дмитрий Федорович, ремонтники ждут, вы поедете на обед, я их и запущу!

– У меня через сорок минут встреча. Зашли кого-нибудь из девиц, пусть мне рубашку купят!

Всех остальных секретарш, работающих на него под руководством Галочки, он иначе как «девицы» не называл. И все их непомерные старания показать начальнику ноги, попки, груди, зазывное стреляние глазками не замечал и порой гнал к чертовой матери, если данные демонстрации становились слишком откровенными.

Конечно, у него была серьезная, слаженная команда сотрудников, профессионалов высочайшего уровня, которые успешно ворочают его состоянием и делами фирмы и без непосредственного присутствия хозяина, но всегда есть дела, которые может решить только он. И именно сегодня, по не отмененному никем закону подлости, таких дел и важных встреч у Победного было невпроворот.

Нет, ну надо же?! А? Чашки раскалываются сами собой, кондиционеры ломаются, рубашки пропадают, а небывалая жара берет измором!

К концу дня, когда плюхнулся на заднее сиденье машины, Победный чувствовал себя потным, грязным и измотанным до осатанения.

– Домой, Гриша.

Водитель, зыркнув глазом в зеркальце на начальство, посочувствовал:

– Устали, Дмитрий Федорович? Сейчас домчим!

– Не надо домчим, давай доедем, – зная неистребимую тягу к лихачеству своего водителя, возразил Дмитрий.

Ему жгуче хотелось в душ – сначала очень горячий, чтобы содрать с кожи усталость, пот, раздражение, трудность переговоров, естественно, закончившихся его победой, а чем же еще? Потом очень холодный – взбодриться. Дернуть немного коньяку и выкурить хорошую сигарету, он не курил, бросил лет пять назад, но в такие моменты, как сегодня, самое оно!

И все! Хватит на сегодня – все!

«Ну, ну!» – хмыкнула судьбинушка.

Затейливые засады этого дня не закончились.

Хлопнув входной дверью, он бросил портфель, принялся стягивать туфли, в раздражении сильно упираясь носком в задник, отчего они плохо снимались. Дмитрий чертыхнулся, с силой сбросил сначала с одной, а затем и с другой ступни застрявшую обувь, словно именно она была виновата во всех нынешних неприятностях, швырнул не глядя прямо на пол пиджак. И, стре-

мительно шагая в направлении душа, как гадость какую-то, срывал с себя галстук, рубашку, торопясь немедленно снять всю одежду – так нажарился!

– Привет! – перехватила его в коридоре жена, выйдя из гостиной. – Что это с тобой?

– Я в душ! – оповестил Дмитрий, оттесняя Ирину, вставшую на пути к вожделенному водному очищению.

– Я тебя жду. Мне надо с тобой поговорить, – сдвинулась, пропуская его, но продолжала настаивать жена.

– После душа! – пообещал Дмитрий, не замедляя целенаправленного движения.

Она действительно его ждала. Одета, как для выхода в свет: в легком шелковом брючном костюме, каблочки недостижимой высоты, «боевой» набор брильянтового блеска в нужных местах, улыбка, прическа, макияж – на бал, на бал! Сидела с прямой спиной на краешке гостинного дивана, нервно курила тонюсенькую сигаретку и ждала.

Дмитрий, не потрудившись одеться и вытереться, лишь обернул небрежно полотенце вокруг бедер скорее из-за заявленной программы: «поговорить», а не из стыдливости, мало известной ему. Испытывая нечто близкое к блаженству после долгожданного душа, он плюхнулся рядом с ней на диван.

– Ир, налей мне коньячку, – скорее приказал он, сохранив подобие просьбы в формулировке.

Она посмотрела на него непонятым взглядом, но встала и подошла к барному столику, на котором в ожидании рядками стояли разнокалиберные бутылки и посверкивали хрустальной чистотой бокалы и рюмки, плеснула на одну треть в бокал его любимого коньяка, вернулась к дивану, протянула Победному и сказала:

– Я ухажу от тебя.

Она не села. Так и стояла, смотрела на него тем же непонятым взглядом.

– К кому? – отстраненно спросил Дмитрий.

– Ни к кому. Просто ухажу. – И добавила сообщениями: – Я купила себе квартиру полгода назад, неделю назад там закончили ремонт и дизайнерское оформление. Все необходимое я приобрела. Три недели назад я подала на развод.

– Где деньги взяла? – без интереса, заранее зная ответ, спросил он.

– С твоего счета. Хотела сначала все отсылать в бухгалтерию, но ты бы не пропустил такие траты.

– Не пропустил, – кивнул он равнодушно.

– А личный счет ты редко проверяешь.

– Значит, готовилась?

– Да.

– Ясно...

Вот ведь выкрутасы судьбы!

– Любовник есть? – откинувшись на спинку дивана, глядя ей прямо в глаза и отхлебывая коньяк, поинтересовался Дима.

– Есть. Как и у тебя любовницы.

Неожиданно она села рядом с ним и перестала держать лицо, тон, спину, сгорбилась, как старушка, сцепила пальцы и сунула ладони между колен.

– Ты знаешь, я ведь тебя любила, – сказала нормальным, человеческим, проникновенным голосом, как не разговаривала с ним никогда.

Удивительно! Она уходит, подготовила тылы, рассчитала пути отступления, подала на развод, а по-настоящему, по-человечески искренне заговорила с ним первый раз. Никогда не говорила. А тут...

– Не так чтобы до гроба, не есть, не спать и все только ты, но любила. По-своему. А может, не любила, а очень хотела тебя заполнить... Ну получила, и что?

– И что, Ир? – искренне заинтересовался Дмитрий.

– И ничего. Ты сам знаешь.

Они помолчали, каждый о своем. Она взяла у него из руки бокал, глотнула и сунула обратно ему в руку.

– Я молодая была, глупая. Мне казалось, главное – оторвать богатого мужика, и жизнь изменится, превратится в сплошную сказку, а там уж я разберусь, как мне управляться с этим мужиком и его деньгами.

Она снова выхватила у него бокал, глотнула и сунула назад в его руку.

Дмитрий встал, хотя очень не хотел – ведь первый раз за столько лет они разговаривали нормально, по-человечески, но все же встал, подошел к бару, долил в свой бокал и ей налил полбокала, взял сигареты и вернулся на диван – в разговор.

Сделав большой глоток коньяка, Ирина порылась в своей сумочке, нашла сигареты, щелкнула зажигалкой и, прикурив, сильно затянулась.

– А ты молодец, Победный, ты все сразу прощелкал: и эти мои девичьи мечты, желание денег, богатства, – одним махом допила коньяк, еще раз сильно затянулась. – Как ты на мне вообще женился? Может, из-за детей? Ты же так хотел детей, настаивал, требовал! А куда мне были дети? Я еще не наигралась в свалившиеся на меня бирюльки, денежки, возможности. Какие дети? А когда опомнилась, осмотрелась вокруг, так мне захотелось любви. Чтобы любил кто-то до одури, хотел прожить со мной до старости и чтобы я была самая главная в его жизни.

Она резко развернулась к нему всем телом, вытащила из коленных тисков и расцепила ладони, заглянула ему в глаза.

– Мне себя безумно жалко! Но мне так же сильно жалко тебя! Ты же никогда никого не любил! Ни одну женщину! У тебя атрофировано это чувство, удалено, как аппендикс, ты не способен кого-то любить! Я для тебя никто была, пустое место, ты меня не замечал! И удивлялся, когда сталкивался в квартире, мне иногда казалось, что ты сейчас спросишь: «Ты кто?» Тебе все люди до лампочки! Ты их жуешь на завтрак, как меня сжевал! Но я тебе благодарна, я научилась у тебя многому.

Она замолчала. Выговорились, понял Дмитрий.

– Ты на что жить будешь? – равнодушно поинтересовался, как будто в магазин за колбасой отправлял и спрашивал между делом, не забыла ли взять кошелек.

– Я давно деньги копила. На первое время хватит.

– Будешь воевать?

– Нет. Зачем? Заранее знаю, что проиграю.

– Проиграешь, – вздохнул он.

Все! Ему стало неинтересно, и устал он зверски. Когда же эта засада закончится?

Ира, уловив в нем перемену, встала.

– Вещи свои я уже перевезла. Все. Осталось только это. – Она порылась в сумочке, нашла ключи и положила на журнальный столик перед ним.

Как и положено по законам физики, ключи звякнули о стеклянную поверхность неприятным громким звуком.

– На десятое число назначен развод, приезжай. Разведемся. Я подпишу бумаги, что не имею материальных ожиданий, о претензиях говорить смешно. Пришли завтра адвоката. Вот мой новый адрес, – положила рядом с ключами на стол малюсенькую бумажку, выдранную из блокнота. – Номер сотового прежний.

Выхватила у него из пальцев бокал, выпила махом коньяк, поставила на столик – стекло о стекло.

– Все. Я пошла!

– Пока, – отпустил он равнодушно.

Ирина торопливо вышла из комнаты, а он прислушивался к цокоту ее каблучков по дорожному паркету – вот открылась и гроыхнула, закрываясь, тяжелая входная дверь. Действительно, все.

А была ли девочка?

Только остатки дребезжания захлопнувшихся замковых ворот. Он поморщился – звуки, сопровождавшие прощальный монолог и отбытие этой славянки, были отчего-то раздражающе неприятными и резкими.

Разве что не кряхтя, он медленно поднялся, подошел к бару, взял чистый бокал, налил половину, вернулся, плюхнулся расслабленным телом в уютные диванные объятия, сделал большой глоток и закурил.

Все вполне закономерно. Могло быть и хуже!

Могла быть чередой любовников, уже не скрываемых, а официальных, круговерть ее развеселой тусовочной жизни – с ночи до утра, полдня отсыпных, как смена на режимных предприятиях. Остальные полдня – бутики, рестораны, подружки, выбираемые по одинаковой толщине мужниных кошельков, косметические салоны и клиники, элитные театральные и киношные премьеры, следующие за ними по обязательной программе клубешники по очередной вахте – с ночи до утра. Подставлялово и полоскание его имени. Дорогие курорты, звездные отели, один и тот же круг общения, плавно перетекающий с зимних Альп на летние Карибы и Лазурный берег с непродолжительным посещением родины, а именно государства Москва.

Они жили каждый своей жизнью – он своей работой, не заканчивающейся никогда, она круговертью определенной жизни жены богатого человека – и почти не виделись.

Это она точно подметила – порой он удивлялся, обнаружив ее в квартире. Спали они в разных спальнях – он ложился поздно, вставал рано, спал очень чутко, она ложилась рано, вставала поздно и спала как убитая от переизбытка эмоций, танцев, встреч и наличия шампанского в крови.

Когда случались официальные приемы, где положено присутствовать с женой, они, изображая «правильную пару», присутствовали, но сразу после прихода и протокольных приветствий – порознь. Он, отбыв необходимое для него время, пообщавшись с теми, с кем планировал встретиться, как правило, уезжал, она оставалась.

Победный попытался вспомнить, когда они последний раз занимались сексом?

И не смог.

Когда он занимался последний раз, помнил четко – позавчера с Леной, девушкой из отряда постоянно присутствующих во всех возможных местах появления богатых и знаменитых, умненькой, милой и с мозгами, окончательно не забубенными единственной целевой направленностью – поимкой богатенького «папика».

Он женился на Ирине четыре года назад, устав от череды барышень из данного отряда, обязательным соцпакетом прилагающихся к бизнесменам его уровня, кочующих с одного ВИП-мероприятия на другое.

Она ему понравилась и показалась не настолько испорченной конкретностью цели и осознанием собственной исключительности, неизменно наступающим при постоянном отирании около сильных и известных мира сего.

И ему хотелось детей, семьи, домашности.

Ирина очень старательно делала вид, что ее не интересуют его деньги, не менее старательно, по всем инструкциям съема богатых мужиков, отказывалась от дорогих подарков, делая упор на разухабистый секс, намекала, печально вздыхая, на любовь к нему, как к мужчине и личности, с отрывом от его благосостояния.

Он усмехался про себя, видя все эти заходы, и даже немного верил ей, прекрасно зная все наперед, но принимая участие в этом постановочном спектакле.

После нескольких тонких, как ей казалось, намеков на женитьбу, прямолинейных, как танковая борозда, для его знания жизни и людей, лежа на развороченной кровати, наблюдая за ее одеванием, он неожиданно для себя решил: «А почему бы нет?»

– Ты хочешь за меня замуж? – лениво поинтересовался Дмитрий Федорович.

Она вдевала серьгу в ушко, стоя перед зеркалом. И Победный с неким удовлетворением наблюдал в зеркальном отражении метаморфозы ее лица, как смену кадров: удивление, ошеломление, испуг, робкая надежда, переполох и, наконец, маску спокойствия.

– Хочу. – Она повернулась к нему, забыв убрать руки от уха, так и не вставив серьгу в дырочку на мочке. – Ты же знаешь, я тебя люблю и хочу за тебя замуж.

Конечно, он сволочь! А кто спорит!

Он развлекался, посмеиваясь, испытывая, до чего она готова пойти в своем жгучем желании получить его в законные мужья.

– Сейчас заедем в загс, подадим заявление, а завтра распишемся. Никаких торжеств и родственников. Только ты и я, в свидетели возьмем моих охранников. Заедем в ресторан, посидим в обед, выпьем. На это ты согласна?

– Да. Согласна!

– Вот и хорошо! – Он рывком поднялся с кровати и, направляясь в душ, дал еще одно распоряжение холодным, не терпящим возражений тоном: – Купи платье. Не белое, не длинное. Простое.

Конечно, сволочь!

«Вот такая вот «фисгармония!» – как говаривал его мичман Носков.

Глоток коньяку, затяжка от сигареты – тошно до рвоты!

С чего бы?

Он все знает про себя и свою жизнь. Он циничный, битый-перебитый, просчитывающий людей, их резоны и расчеты в секунды, он умеет ударить и держать удар, давно, миллион лет назад, закованный в надежную железобетонную панировку от любых эмоциональных уколов и нападений, расчетливый, жесткий, хладнокровный мужик.

С чего бы так хреново-то вдруг?

Ну, ушла жена и ушла, и правильно сделала! Какая там жена и семейная жизнь! Чужие, безразличные друг другу люди на одной территории!

Так в чем дело-то?!

«Ты никогда никого не любил. Ты не способен любить, у тебя атрофировано это чувство, удалено, как аппендикс».

Так она сказала?

Сквозь тошнотворную мрачность его настроения брызнуло во все стороны, заливая солнечными бликами, воспоминание из другой и, наверное, не его жизни.

Из жизни совсем другого Дмитрия Победного, по странному стечению обстоятельств бывшего когда-то им.

Или это был не он, а полный его тезка? Невозможно, чтобы тот далекий парень восемнадцати годов был когда-то им, Дмитрием Федоровичем Победным!

Солнце плавало Севастополь до растекания асфальта, пахло морем, цветущей акацией, немного степной полынью и раскаленным известняком.

Был Дмитрий Победный, активно кобелирующий восемнадцатилетний юноша, закончивший первый курс высшего военно-морского училища на одни пятерки, бывалый, как ему казалось, и все знающий про жизнь и про женщин.

И была соседская девчонка, малолетка двенадцати годов. И не совсем чтобы соседская – приезжала на лето из Москвы к бабушке, Полине Андреевне. И любила она его, «взрослого» мужика, до умопомрачения!

Длинная, тощая, как колодезный деревенский журавль, с тяжелой копной светло-каштановых непослушных волос, закручивающихся в крупные локоны, выгоравших на концах за лето до рыжины, с россыпью веснушек на физиономии и глазами удивительного оттенка серебристой голубизны.

Храбрая, сумасбродная, отчаянная, как мальчишка носившаяся по всем горам и пригоркам, с вечно сбитыми коленками и раздражавшая его своими наивными приставаниями и детской влюбленностью.

В старинном доме, чудом уцелевшем во время войны, в котором они жили, на этажах располагалось по две квартиры. На их четвертом, и последнем, жили они, семья Победных, и Полина Андреевна, бабушка этой «предводительницы краснокожих».

Ковальские – дочь Полины Андреевны с мужем, родители этого двенадцатилетнего ужаса – жили в Москве, и Дима с родителями не раз ездили в столицу и останавливались у Ковальских, потому что они дружили – и не просто по-соседски, а как-то по-семейному, что ли.

Маленькая Машка выросла у него на глазах. Дима помнил, как они приехали с родителями в Москву, когда Машке был год от роду, и она таскала его за волосы, когда этот «кулек» сунули ему в руки. Таскала и хохотала от счастья, ей казалось, что он с ней играет, пытаясь вырвать из цепких пальчиков пряди своих волос. А потом громко пукнула прямо Диме в нос, когда он передавал ее в руки любящего отца.

И взрослые смеялись, а ему воняло.

А теперь она вдруг придумала в него влюбиться!

Но замечать Машку и эту ее беспредельную любовь ему было некогда, он и дома-то практически не бывал, насыщенно проводя законные каникулы. Ходили с друзьями в походы по всему побережью или «зависали» на пляже, ночи проводя с подругами, словом: «Отдыхаем мы хорошо, только устаем очень!»

Но случился незапланированный перерыв в плотной каникулярной программе Дмитрия Победного. Кто-то из друзей был занят, кто-то ушел в поход в горы, его звали с ночевкой, но он поленился, не захотел идти в этот раз, свидание с девушкой, с которой он в данный момент встречался, было назначено после девяти вечера, и он решил сходить на море поплавать.

В подъезде он столкнулся с Машкой в прямом смысле: она влетела в подъездную дверь и, обнаружив, что неожиданное препятствие оказалось любовью всей ее двенадцатилетней жизни, проорала на весь подъезд:

– Дима, ты куда идешь?! – Дождаться ответа ей было некогда, поэтому Машка сразу, теми же децибелами выдала: – Возьми меня с собой!!! – и брызнула в него топленым серебром влюбленных глаз.

То ли от жары, то ли от скуки, то ли от разжижения мозгов Дима согласился и, не доверив Машке оповещения ее бабушки, сам поднялся наверх, толкнул не запираемую никогда летом соседскую дверь, потому что Машка носилась туда-сюда бесконечно, и крикнул в квартиру:

– Полина Андреевна, я Машку с собой возьму на пляж, на Херсонес!

– Хорошо, Димочка, я хоть спокойна буду, а то ее где только не носит целый день!

Конечно, тащиться на пляж с дитем было не по рангу «бывалому» хлопцу его возраста и авторитета, но и одному плавать и загорать не очень-то интересно.

Он помирал со смеху, наблюдая, как Машка плавает по-собачьи, но с такой активностью молотя руками-ногами в воде, что передвигается как маленькая торпедка.

На пляж подтянулись знакомые «мужики», кому-то он кивнул, с кем-то поздоровался за руку, потом подгребли друзья, как и он сбежавшие от жары на море, кто-то принес холодное «Жигулевское», которое надо было срочно пить, пока не согрелось.

Машка терлась все время рядом, не сводя с него глаз.

– Иди поплавай! – отсылал он небрежно.

– Я с тобой! – отказывалась она расставаться с предметом обожания.

– Сестра? – конечно же, поинтересовались мужики.

– Родственница из Москвы, – отмахнулся он и забыл о ее присутствии.

Ну, почти забыл, поглядывал краем глаза, что делает, а то это неугомонное дите влезет еще куда!

Они лениво поговорили о том о сем, кто-то предложил завтра на весь день пойти в Каза-чью бухту, обсуждали, что с собой брать и кого из девчонок пригласить.

Вообще-то Казачья была строго охраняемым объектом, но все охранения в этом городе были не про них. Они знали ходы-выходы на любой секретный объект, а уж в Балаклаву ходили как на собственную дачу – когда хотели и где хотели, невзирая на все наистрожайшие охранные режимы, проволоки, прожекторы, пропускные зоны и многочисленные патрули.

Они были местные пацаны. Местные, «крутые», все «знавшие» про жизнь, мироустройство и секс восемнадцатилетние пацаны.

– Я с тобой! – потребовала Машка приобщения к завтрашнему мероприятию.

– Со мной нельзя, там опасно, – предпринял попытку отделаться Дима.

– Ну и что! Тебе же не опасно, значит, и мне можно! – настаивала влюбленная Машка.

Она просила, требовала, уговаривала, обещала слушаться его во всем – во всем, если он возьмет ее с собой, мужики похихатывали, и он, чтобы отделаться от нее, предложил:

– Нырнешь вон с того камня, возьму с собой.

Машка посмотрела на указанный к освоению объект, прикинула что-то в уме и вздохнула.

«И слава богу!» – порадовался Дима. Девчонка оценила невозможность решения поставленной задачи! И тут же забыл про Машку, вернувшись к обсуждению более насущных дел.

Кто-то из парней присвистнул:

– Ты смотри, полезла все-таки!

Дима, сидевший спиной к морю, резко развернулся и замер.

Машка с упорством осьминожки карабкалась на камень, она почти залезла, оставалось с полметра, закинула ногу, как гуттаперчевая игрушка, подтянулась на руках и выскочила наверх. Повернула сияющую счастьем рожицу, нашла Диму глазами, подняла руки вверх и закричала:

– Смотри!!! Я ныряю!!!

Он испугался так, как не боялся никогда в своей жизни! До холодного пота, до ступора, парализовавшего мышцы и ударившего слабостью под колени!

Он не боялся, когда его, первокурсника, молотили в казарменном клозете четверо старшекурсников – так, для порядка. Он не испугался, отбивался до последнего, по-звериному, жестоко, наполучал, конечно, по полной программе и отлеживался пару часов на холодном, отдраенном до зеркальности кафельном полу туалета. Потом он их выловил по одному и отфигачил так, что мало никому не показалось. Мальчонка-то он был нехилый: рост под метр девяносто, широкий разворот плеч, обещающий стать косой саженью по мере возмужания, и годы тренировок запретного боевого карате и не запретного бокса.

За справедливое возмездие был бит еще одной группой старших товарищей, друзей и соратников первых участников соревнования, которые отлеживались по домам и в училищном госпитале.

Ерунда! Кадетские будни! Что пугаться-то – молоти себе, вовремя прикрывай пах, голову и береги зубы.

Но сейчас!!! Он даже не знал, что можно ТАК испугаться!

Машка постояла, посмотрела на воду, подняла руки повыше... и он с ужасом, сжавшим сердце, понял: «Сейчас прыгнет!»

И сорвался с места, обдирая кожу на ступнях об острые камни, влетел в воду, нырнул, вынырнул и понесся, как не плавал никогда, ни на скорость на зачет, ни на соревновательное «слабо».

Сердце бухало, холод внутри не могла смыть-растопить теплая, как парное молоко, морская вода.

Там мелкое дно, если войдет в воду неправильно – а она войдет неправильно, потому что не знает, не знает, как правильно, – убьется!!!

Он успел! Доплыл в тот момент, когда Машка с визгом сиганула с камня бомбочкой, он поднырнул, когда она входила в воду, и поймал ее у самого дна, и сильно вытолкнул наверх.

– Руки-ноги целы?! Не болят?! Ты нигде не ударилась?! – орал он на весь пляж и ощупывал перепуганную Машку.

– Не-ет, – непонимающе, собираясь заплакать, проблеяла Машка.

Схватив ее ручку-спичку, Дима поплыл к берегу, буксируя за собой дитя неразумное, выволок из воды, развернул, поставил перед собой.

– Ты что, совсем идиотка?! Как можно оттуда нырять?! Я же пошутил, чтобы ты отстала!!! – орал он, не обращая внимания на любопытство окружающих. – Ты не знаешь дна! Ты плохо плаваешь! Ты могла запросто убиться!!!

Она стояла перед ним, как солдатик, руки по швам, голова опущена, хлопчатобумажный купальничек обвис на плоском животе и прикрытых пупырышках груди, ибо, кроме этих пупырышек на загорелой до черноты плоскости, ничего пока не выросло, с мокрой гривы ручьями текла по спине вода. Каштановая копна волос, отделяваясь от влаги, скручивалась в крупные кудряшки, отсвечивая рыжими выгоревшими прядками.

Она не плакала, не всхлипывала, подняла голову и смотрела на него огромными серебристыми глазами, полными непонимания и обиды.

Господи! Как же ужасно он испугался!! В животе что-то мелко-мелко дрожало, рассылая холод по всему телу, он и орал-то на нее от облегчения. И, не выдержав, прижал ее рывком к себе и обнял.

– Испугалась?

И тут она зарыдала, точно шлюз открылся: обливая Димин живот потоком горячих слез, прижималась к нему и рыдала.

– Ну, все, все! – успокаивал он как умел, поглаживая ее по голове. – Все, Машка, не плачь!

Он все гладил ее по голове своей дрожащей до сих пор ладонью, и было ему в тот момент глубоко безразлично, что подумают пацаны, окружившие их с Машкой, и люди на пляже, громко обсуждавшие происшествие и приводя в назидательный пример своим малолетним чадам, к чему приводит непослушание:

– Вон видишь, как девочка плачет! Это хорошо, что живая осталась, а могла и убиться, и покалечиться! Сколько раз говорить: не смей прыгать с камней!

Потому что отчетливо понял, что испугался не того, что оказался бы виноват, если бы с ней что-нибудь случилось, и не приговора и обвинения на всю оставшуюся жизнь, самого себя и ее родителей с Полиной Андреевной, и его родителей, не вечного креста совести – нет! Он до жути перепугался, что Машки может не стать в его жизни! Для него может больше никогда не стать Машки!

Оказалось, что эта девочка очень важна лично для него, Дмитрия Победного, как часть его, как что-то необъяснимое.

А Машка все плакала, и он вытирал и вытирал ей широкой ладонью слезы вперемешку с соленой морской водой.

А потом он повел ее в город и угощал мороженым и черешней, насыпанной в свернутый из газеты кулек, и привел в кафе как взрослую и как взрослую оставил сидеть за столиком, а сам, как галантный кавалер, принес газировки и пончиков, щедро обсыпанных сахарной пуд-

рой. И Машка, позабыв обо всех своих недавних страхах и рыданиях, звонко хохотала, закидывая голову назад, открывая миру малозагоревшее горло, перепачкавшись с ног до головы сахарной пудрой, летящей с пончиков, которые она и ела, и жестикулировала ими же, держа в руке и что-то рассказывая.

Дима с удивлением узнал, что она свободно говорит по-английски, как на родном языке, и учит немецкий. Машка пообещала ему перевести текст толстого заморского журнала, нелегально привезенного моряками торгового флота из дальних странствий. И оказалось, что эта щепка круглая отличница и увлекается историей Древней Руси и на следующее лето обязательно – обязательно! – поедет на раскопки, папа уже договорился.

Она была на шесть лет его младше – гигантская разница, целая эпоха, временная пропасть!

Но так ему почему-то хорошо было в тот день, проведенный с ней, с этой щебетушкой, говорившей без остановки, еле успевающей перевести дыхание между словами, забегавшей все время вперед и смотревшей на него с обожанием. Может, оттого, что все обошлось, может, оттого, что она оказалась очень интересным человеком, а может, от осознания, что она часть его жизни.

«У тебя атрофировано это чувство, удалено, как аппендикс!»

Наверное.

Эта двенадцатилетняя Машка была в жизни другого Дмитрия Победного, совсем другого – тому Дмитрию повезло больше.

«Ты никого никогда не любил! Ни одну женщину!»

Да, не любил. Факт.

Но его почему-то тоже никто и никогда не любил по-настоящему, искренне, без расчетов и прикидок. Искренне. Сильно. До потрохов.

Только та маленькая девочка Машка... Но она любила другого, того Диму.

– Да и к черту! – взорвался он.

Что за день такой?! Ты что, Победный, сбрендил?! Какие любви?!

На самом деле сбрендил! В его лексиконе и слова-то такого нет! Зачем сорокалетнему жесткому, удачливому, благополучному хозяину жизни думать об этой лабуде? И, запивая горечь коньяком, печалиться о том, что чего-то не было и не состоялось в его жизни?

Просто день сегодня такой – сплошная засада!

Да, не задался сегодня день у Дмитрия Федоровича Победного. С самого утра не задался!

Мария Владимировна Ковальская, открыв дверь, вошла в прихожую, с облегчением шлепнув на пол две увесистые дорожные сумки.

– Слава тебе господи! Добралась! Дом родной! – порадовалась она вслух.

– Пупсик, ты что, вернулся? – прозвенел нежный девичий голосок из спальни.

Вслед за голосом, завязывая на ходу поясok на коротеньком шелковом пеньюарчике, из комнаты выпорхнула «нимфетка» небесной красоты и свежести.

– Что та-а-кое? Что здесь происходит? Вы кто такая? – затребовало объяснений прелестное создание, сменив переливчатость в голосе на нахрапистые тона базарной торговли.

– Кхм! – кашлянул за спиной у Марии Владимировны таксист, согласившийся за отдельную плату поднести два неподъемных чемодана в квартиру.

– Очевидно, я не пупсик? – предположила Мария Владимировна.

Порывшись в своей дамской сумочке, нашла кошелек, достала из него купюры и протянула водителю.

– Поставьте сюда, пожалуйста, – вежливо попросила она.

– Да что такое?! – крепкая требовательностью тона, возмутилось нежное создание. – Вы совсем обалдели?! Я сейчас милицию вызову!

Поставив чемоданы, таксист принял купюры и быстро шмыгнул за дверь подальше от чужого скандала.

– Милиция – это хорошо, – согласилась с предложением Мария Владимировна спокойно и устало.

Все ясно и понятно – «жена вернулась из командировки». Правда, в народном анекдотичном эпосе это, как правило, муж.

С кем не бывает. Бывает. Вот с ней, например, случилось.

Она сбросила туфли, закрыла распахнутую дверь и пошла в кухню, отодвинув по дороге примолкшую барышню, до которой, очевидно, начал доходить смысл происходящего.

– Я... вы... – заблеяло создание.

– Да, – отозвалась из кухни Мария Владимировна, – я и вы. Кофе хотите?

– Не-ет, нет. Я пойду, мне надо... пора, – пятилась в спальню «нимфеточная» красотка.

– Как угодно, – холодно разрешила Мария Владимировна.

Она устала ужасно! Многочасовой перелет с пересадкой, смещение всех часовых поясов, утренняя головная боль и несбывшаяся надежда попасть из жары в нормальный температурный режим средней полосы. Первые дни июня, а в Шереметьеве ее встретила африканская жара, усилив головную боль.

Она плохо ориентировалась в своей кухне – забыла за полгода, но кофе нашла и турку тоже.

Надо срочно выпить кофе!

– Я пойду, до свидания, – прошелестела от входной двери барышенька.

Открылась и закрылась дверь.

Маша вовремя подхватила турку с грозящей перелиться через край пенной шапкой закипевшего кофе, налила в чашку, сделала обжигающий глоток и зажмурилась от удовольствия.

С чашкой в руке, делая мелкие глоточки, она обошла свою квартиру, заглянув и в ванную, и в туалет.

Итак. Что мы имеем?

Затренькал незатейливой мелодийкой ее сотовый. Догадываясь, кто звонит, и потому не особо поторапливаясь, она поковырялась в сумке, откопав в залежах содержимого трубку.

– Да.

– Ты приехала, – констатировал событие муж, забыв поздороваться.

– Да. Здравствуй.

Он помолчал, ожидая высказываний – сообщение о прибытии жены, как Машка понимала, было принесено выпорхнувшим из квартиры нежным созданием, с подробным описанием трагичности их встречи.

Скорее комичности.

– Как долетела? – поинтересовался «заботливый» муж.

– До места назначения, что самое главное. Ты когда будешь?

– После семи, как обычно, – насторожился муж, заподозрив обещание пошлого скандала.

– Вот и отлично! Я ужин приготовлю! Сколько не виделись! – бодренько сообщила Машка о своих намерениях.

– Я тоже соскучился, – сообщил «любимый», успокоившись.

Маша еще раз обошла владения. Закончив обзорную экскурсию в центре гостиной, посмотрела в чашку на черную кучку подсыхающего осадка.

Надо выпить еще кофе. И, собственно, за дело!

Она не стала разбирать чемоданы, сумки и пакеты с подарками, так и оставив их стоять сиротливо в прихожей, – это потом, достала только свой ноутбук, пристроила на кухонном столе, включила и вошла в Интернет. Сварила себе еще кофе и, чтобы не ждать, пока он остынет, бросила в чашку пару кусочков льда.

Очень хотелось в душ и переодеться наконец, но и это потом, сначала более насущные дела!

Пошарившись в Сети, она нашла ближайшую к ее дому фирму, оказывающую услуги по ведению домашнего хозяйства, созвонилась и заказала срочную генеральную уборку. А заодно и слесаря.

Они приехали очень быстро, за полчаса. Маша, предполагавшая, что прибудет парочка дивчин с синими паспортными, имеющими штампы о постоянной дислокации на обширной братской территории самостийной Украины, подивилась, распахнув дверь.

Их ввалилось семь человек, молодых, улыбчивых, интернациональных, упакованных в желтые майки и обрезанные бейсболки с логотипом их фирмы, притащивших с собой тележки с инвентарем, пылесосами в количестве двух штук и целой непонятной кучей средств чистящего предназначения.

– Здравствуйте! – по-пионерски весело и задорно поздоровались хором.

Вперед вышел мальчонка лет двадцати двух-трех, командир чистящего десанта, и предложил Марии Владимировне показать квартиру, обсудить объем работ и ее хозяйские пожелания.

Ее пожелания были весьма просты – мыть и отчищать все! Вплоть до мытья окон, размораживания холодильника и отдраивания всех закоулков. Мальчонка ходил за ней с листочком, перечислял наименования работ и их стоимости и ставил галочки напротив запрашиваемой услуги.

– Стирка требуется? Загрузить машину?

– Нет, – отказалась Мария Владимировна.

Все ее вещи, кроме того, что на ней надето, были выстираны и с особым удовлетворением и тщанием сложены в чемоданах и сумках, а чистота мужниного барахла ее уже не интересовала.

– А постельное белье? – переспросил юноша, окинув взором разгромленную кровать в спальне.

– Это снимите и выкиньте, – распорядилась Мария Владимировна. – Да, и будьте любезны, пропылесосьте матрас и обработайте каким-нибудь антисептиком, что ли. У вас есть?

– У нас есть. Я понял.

Отдав все распоряжения, Маша устроилась вполне комфортно, если не считать так и не принятого душа и не скинутых одежек, которые ее раздражали – все ей казалось, что они грязные, помятые, потные.

«Потерпи немного! – попросила она саму себя. – Значится, что у нас следующим пунктом?»

Следующим пунктом прибыл слесарь той же фирмы.

Приземистый мужичок с большим пивным животиком, растягивавшим буквы логотипа на желтом полотне майки, прикрывающим это мужское достояние. Маша заказала смену обоих замков в двери. Мужичок оценил масштаб работ, обсудил с хозяйкой желаемое качество запирающих устройств, предложил имеющиеся у него в наличии в большом чемодане, который принес с собой, озвучил стоимость работ и приступил к делу.

Мария Владимировна вернулась на свою застекленную лоджию к ноутбуку, остывшей третьей чашке кофе и следующим пунктам плана.

В дверь высунулась голова десантного предводителя:

– Извините, что отвлекаю. Холодильник разморожен и отмыт. Продукты загружать назад?

– Нет! – улыбнулась Машка.

Ей вдруг стало весело! И головная боль прошла от раздухарившейся Машкиной вольницы.

– Если есть что скоропортящееся – выбросить! Остальное сложить по пакетам!

– Понял! – улыбнулся в ответ командир.

Непонятно было, что он там понял, но ей почему-то стало приятно.

Вот, собственно, и следующий пункт плана!

Она порылась в Интернете, нашла удовлетворяющий ее пожелания ближайший супермаркет, позвонила в отдел доставки, сделала заказ, обговорив все формальности.

Так. Что следующее?

– Молодой человек! – позвала Машка, не вставая со стула.

Стульчик был премиленький, Машке страшно нравился этот гарнитурчик – два кованых ажурных стульчика и столик, она любила попить здесь кофейку, когда оставалась в доме одна. Это дизайнер придумала уголок на лоджии специально для Маши.

Юноша прибыл на зов через полминуты.

– Вы меня звали?

– Простите бога ради, – извинилась Машка. – Вы мне представились, а я забыла. Как вас зовут?

Настроение ее совсем расчудесилось!

Надо почаще начинать новую жизнь! Оказывается, это так... так... Освежает? Нет, не дезодорант все-таки. Бодрит, молодит? Нет, не это!

Освобождает! Вот! И заставляет почувствовать себя живой! Настоящей! Жизнь почувствовать!

– Василий, – вернул ее в действительность командир чистящего отряда.

А что она от него хотела? Ах да!

– Васечка, – преподавательским тоном, которым просила своих студентов вымыть доску перед лекцией, обратилась к нему Мария Владимировна. – Будьте любезны, там, в коридоре на тумбочке, моя сумка, принесите, пожалуйста!

Командующий Вася скрылся за балконной дверью и вернулся через пару минут с Машинной сумкой.

– Мария Владимировна, – протягивая ей сумку, почти по-родственному спросил, – а лоджию-то мыть?

– Мыть, Васечка! – делилась задором Машка. – Все мыть, что только можно!

Он улыбнулся, без подобострастия, открыто, совсем по-мальчишески.

– Тогда минут через двадцать вы могли бы перейти в гостиную, мы там почти закончили.

– А как же! Освобожу помещения для труда! – пообещала Машка.

Шорох генеральной чистки и уборки ее квартиры стоял не детский, и Маше пришлось кричать, что только добавляло веселья ее настроению.

Она достала из сумки сотовый, пристроила его на столике рядом с трубкой домашнего телефона, порывшись, выудила сигареты и зажигалку.

Курильщица она была из разряда тех, кто никогда не имел тяги к этому развлечению, так, иногда разрешала себе от непомерной усталости, когда один кофе не помогал уже бороться со сном или в моменты особо острых переживаний, словом, изредка.

Или вот в разгулявшемся настроении ее новой жизни!

Что там у нее следующее по плану?

Добраться до души, разобраться с вещами?

Нет.

Подобрать хороший ресторан, заказать ужин на дом, а дальше посмотрим!

«Совсем я обамериканилась! – радостно подумала Машка. – Интернет, доставка на дом, все, что пожелаешь!»

Улыбаясь, Машка потянулась, сложив ладони в замок, выгнувшись на стуле.

Хорошо! Все хорошо!

Спасибо тебе, Америка – свободная страна свободных граждан!

Надоумила!

Но не Америка ее надоумила, просто Мария Владимировна перевела дыхание, отдохнула и пригляделась к своей жизни.

Через два месяца после того, как она, сдав, защитив, отстояв, издав и напечатав все, что только можно и требовалось, получила профессорское звание, Мария Владимировна укатила в Америку. В Калифорнийский университет, куда ее давно звали прочитать курс лекций по древнерусской истории, что было почти ее темой – она занималась еще более древней историей Руси, вернее того, что еще не было Русью как таковой.

Юрик сразу сказал: «Езжай!» Ему для престижа это подходило необычайно – жена профессор, преподает в американском университете.

А то! Это вам не бахчи окучивать, при случае можно вернуть коллегам и начальству: «Трудно, конечно, одному, скучаю, а куда деваться, жена преподает в Америке, она же специалист международного уровня! Перезваниваемся каждый день, но все равно очень тяжело – она там, я здесь! Вот стараюсь подольше на работе задерживаться, дома без нее неуютно». Или что-то в этом духе. Лучшей рекламы своей значимости и состоятельности не найти чиновнику.

Университет снял для Машки премиальную квартиру, из окон которой был виден океан, величаво накатывающий волны на песчаный пляж и пальмы.

Когда ее встретили, привезли из аэропорта, разместили, вручили расписание лекций и объяснили, что у нее два дня для отдыха, адаптации, акклиматизации и бытового устройства, после которых она должна прийти на кафедру познакомиться с коллективом, представиться начальству, решить все организационные вопросы, Мария Владимировна не поверила!

Как это «два дня отдыха»? Совсем-совсем отдыха?

Так не бывает?!

И не стала она адаптироваться, акклиматизироваться и налаживать быт, а уточнив несколько раз, что действительно два дня на отдых, рухнула на огромную кровать и проспала пятнадцать часов подряд.

Первый раз за десять лет!!!

Проснулась и ни черта не смогла сообразить: где она, что с ней, в каком измерении, ночь или утро на дворе?

А сообразив, пошла на улицу бродить, смотреть на океан и ни о чем не думать.

Целый месяц Машка почти не выходила из дома – на работу, в магазин за продуктами, в прачечную, в кафешку за углом – и спать, спать, спать!

Какой пляж! Какие пальмы и песок?!

Обнаружилось, что ей не надо ничего защищать-отстаивать, печатать-сдавать, готовиться-изучать, а также: мыть, стирать-убирать, таскать пудовые сумки с продуктами, готовить еду, выслушивать снисходительные нравоучения мужа и улыбаться, пропуская их мимо сознания от нечеловеческой усталости и неспособности осмыслить какую-либо еще информацию, кроме научной, и прочая, прочая...

Мария Владимировна обожала свою работу, она читала лекции с таким увлекающим, искрометным энтузиазмом, сама получая удовольствие от того, что рассказывала, что американские студенты заслушивались и в аудитории стояла всегда звенящая тишина. Звенящая от Машиного голоса!

Впрочем, русские студенты в Москве слушали ее так же.

Она загоралась интересом, всегда погружаясь с головой в статьи или научные работы, которые писала, а здесь, в Америке, нечаянной радостью обнаружилось, что можно не торопиться, делая неспешно свою работу, и почитать статьи в научных журналах не бегом и ско-

пом, запоминая материал на ходу, а размеренно, без спешки, откладывая, если захотелось, на свободное время, которого оказалось целый океан, такой же, как виднеющийся из ее окон.

И спала, спала, спала!

Десять лет! Вот ей-богу – десять! Она спала по два-три часа в сутки, если повезет – четыре.

Она жила, только когда работала, и какой-то защитный механизм внутри ее отключил эмоции, осознание всего, что было не работой, не наукой. Отупела она, что ли, от перегрузок?

Месяц она приходила домой из университета, печатала немного в удовольствие, и в удовольствие же читала, и спала часов по десять-двенадцать. Вот прямо в восемь вечера ложилась и спала до утра!

А когда выспалась, наконец навестав годы недосыпа, начала соображать.

И пошла на пляж, и плавала в океане, и поближе познакомилась с коллегами, пригласив их в уютный барчик, и повинилась – уж извините, что не сразу. Но последние годы так много работала, что выспалась!

Да, да! Кивали они понимающе, отсвечивая белозубыми американскими улыбками.

Еще бы!

Тридцать четыре года – профессор, мировое имя, изданные книги, не счесть сколько статей, лекции, преподавание, семинары, конференции, археологические экспедиции, заслуженный авторитет, и муж, и семья, и тонкая-звонкая, как девушка.

– Вы на диете? Такая стройная и так молодо выглядите!

Да, кивала Машка, ничего не поясняя. А что им объяснишь?

– Вы занимаетесь спортом? Когда вы время находите? Как вам это удается?

Да запросто! Ни спать, ни жрать, забывая, когда ела последний раз: сегодня или уже вчера? Вечно недовольный, поучающий муж, летний «отдых» на полевых раскопках, с туалетом в степи и водой, которая скрипит песком на зубах. А для большего стимула интриги коллег, недовольных таким быстрым продвижением «выскочки», и сплетни, и завалы на защите, необоснованные, глупые, и провокации, и...

Что им объяснишь? Ну а как же – на диете! С элементами любимой вашей развлекухи – спортом, бегом за вечной молодостью!

О, мы понимаем! И прощаем задержку дружеской вечеринки по мере американской широты души.

Однажды Машка проснулась утром и осознала, что счастлива, и никак не могла понять почему, откуда это переполняющее чувство грянуло?

Крутила его, смаковала и так и эдак, ходила с ним весь день и заснула с ним, проснулась на следующий день, и пристраивала звенящую радость к своему сознанию, и улыбалась несколько дней подряд, и во сне живя с этим чувством.

А через пару дней доперла! Прочухала, слава тебе господи!

Она. Была. Сво-бод-на!!!

Давным-давно не была, с незапамятных времен, а тут вдруг стала!

Она дня три проносила это чувство в себе, смакуя, наслаждаясь, не позволяя по своей профессорской наукообразной привычке подвергать все анализу, препарируя до атомов, внедряться в это чувство и новое мироощущение себя. А когда свыклась, обжилась с ним, тогда позволила мозгам поработать.

В двадцать четыре года Мария защитила кандидатскую диссертацию. И не заметила, как защитила. Не ела, не спала, не была – наткнулась на странность и сделала открытие, и так его обмусоливала, смаковала, перепроверяла сотни раз, стыковала в свете этого открытия ранние данные, доказывая себе самой, а по ходу и научному сообществу верность фактов, что,

когда защищалась, улыбалась всю дорогу, рассылая серебристых зайчиков из глаз по аудитории, забыв, что это защита, так ей хотелось рассказать, поделиться открытием!

И защитилась с блеском, заимев кучу врагов, обозначивших ее на долгие годы как «малолетнюю выскочку», и одного союзника, недостижимого для недоброжелателей, – академика Янсона Кирилла Павловича, восхитившегося ее работой и порадовавшегося за нее.

И Машка ринулась дальше! С головой ухнув в любимую работу, повизгивая внутри от творческой радости ученого!

Какие там есть-спать, любви-моркови, встречи-расставания, свидания и бытовые проблемы!

Потом все это!

А потом свалилась беда и пришло горе.

За четыре года ушли все!

Сначала бабушка Полина Андреевна в Севастополе, и они ездили хоронить ее всей семьей, а затем заболела мама. Через год.

Мамочка все прихварывала, и они ругали ее с папой, требовали, чтобы пошла к врачам, обследовалась, но она отмахивалась, пила какие-то обезболивающие таблетки – и так пройдет!

Какие врачи? У нее работа, семья!

А когда таблетки перестали помогать и папа сам отвел ее за руку в больницу, оказалось, что у нее рак.

Неоперабельный. Все!

И мама слегла.

Папа ухаживал за ней, как за ребенком, делал что только можно и сверх того, а Машка с перепугу и от нежелания примириться с такой жуткой, неотвратимой реальностью закопалась в свою науку еще глубже.

Когда маму положили в больницу, Машка как опомнилась, включилась в их общую беду, и они дежурили с папой по очереди возле мамы, ни на секунду не оставляя ее одну.

Вот тогда Машка научилась всему.

Готовить самые лучшие блюда, накупила кучу кулинарных книг, чтобы хоть немногим порадовать и мамулю, и папочку, убирать, стирать, вести хозяйство, отвечая за все. Обслуживать и маму, и отца, не вылезавшего из больницы, и умудрялась все это совмещать с работой, статьями, раскопками, на которые не могла не поехать.

Она разрывалась между полевыми работами под Новгородом, ночными поездками, домашним хозяйством, своими дежурствами в больнице, бесконечно мотаясь между городами. Тормозила на трассе дальнбойщиков, когда не успевала на нужный поезд до Москвы. И попадала пару раз, не без этого:

– Почем берешь? По обычной таксе? – полез к ней один из водил, когда машина, в которую она села, тронулась с места.

И не сбежать, не спрыгнуть. Машка по дурости сначала не поняла, о чем речь, и поспешила уверить в своей платежеспособности:

– У меня много нет, но я заплачу.

– Это мы тебе заплатим! – ржали мужики.

Она все им объяснила про работу и про маму и документы показала свои, но тряслась всю дорогу, до конца не поверив, что не полезут. Не полезли.

Потом, уже наученная этим опытом, распахивая дверцу кабины, сразу объясняла:

– Мне в Москву. У меня мама в больнице, мне срочно надо.

Дальнбойщики, дай бог им здоровья, по большей части были нормальные мужики, сочувствующие чужому горю, и выручали, иногда в нарушение гаишных правил, подвозя ее прямо к воротам больницы.

Господи! Она такое тогда прошла! Вспомнишь – сама себе неверишь!

А чего не пройти – молодая, силы есть!

Через восемь месяцев мама умерла.

Машка смотрела на отца на похоронах и абсолютно четко понимала, что его больше ничего не держит в этой жизни и ничего ему не надо.

Мария была поздним ребенком. Она родилась, когда отцу было пятьдесят, а маме сорок. И они к тому моменту уже прожили вместе пятнадцать бездетных лет, и вдруг такая неожиданная радость – Машка! Она была обцелованная, любимая, балуемая их драгоценность.

И все же, все же!

При всей непомерной, галактической любви родителей к Машке, в этом мире они существовали друг для друга. И были одним целым.

У них была одна кровь на двоих, и вены-артерии, по которым эта кровь бежала, были одни на двоих, и сердце, и дыхание, и любовь, и боль.

Они с папой кое-как наладили жизнь после смерти мамы при всей кажущейся невозможности существования без нее.

Но однажды Машка оторвалась от статьи, которую писала ночью, и пошла в кухню, решив сварить себе кофе, а то глаза слипались совершенно, и заметила свет в приоткрытую дверь гостиной.

Папа сидел на диване и думал о чем-то своем.

И тогда, глядя на него, Машка вдруг просветленным откуда-то сверху сознанием поняла – он не будет, да и не хочет жить без мамы, ему неинтересно, и смысла нет.

И она осторожно, чтобы не потревожить его, закрыла дверь. И заплакала. Тихо, чтобы папа не услышал.

Через два месяца умерла вторая бабушка, московская, папина мама.

А через семь месяцев папа.

А Машка все работала, работала, работала и хоронила, и тащила в себе горе свое непомерное, прячась от него в работу и только там и спасаясь. В то время она вообще не спала, не могла – стоило заснуть, как вылезало, поднимало голову горе ее горькое и объявляло о всех потерях, и Машка просыпалась в холодном поту и бродила по тихой темной квартире.

За месяц до своей смерти папа взял ее руку в свои ладони, подержал, посмотрел Машке в глаза и сказал:

– Ты справишься.

И она поняла, что он прощается и ничего его не сможет остановить: ни ее мольбы, ни стенания-рыдания, ни уговоры и просьбы, ни ее дикий страх остаться совсем одной. Ничего!

Он умер во сне. У него остановилось сердце, та половина сердца, что осталась после смерти мамы. И он ушел к ней, своей любимой.

Он все подготовил к своему уходу, сделал земные дела, чтобы облегчить жизнь дочери, но об этом Машка узнала после. Папа оформил дарственную на бабушкину квартиру в Севастополе на дочь и поселил туда жильцов, которые переводили оплату на открытый им счет на Машино имя, и на квартиру московской бабушки он сделал дарственную и тоже сдал ее внаем, и эти люди переводили плату на тот же счет. Но и это не все – папа сделал третью дарственную на свою долю в квартире, где они жили.

Он сделал все важные дела, обезопасил дочь со всех сторон и ушел.

Оказалось, что не со всех.

Когда Машка выбралась из похорон, памятников, кладбищ, поминок, бумажно-чиновничьих оформлений наследования, вот тогда она в полной реальной мере осознала, прочувствовала свое вселенское одиночество.

И ей стало страшно! Жутко!

Она осталась совершенно одна в этом мире!

Ни родственников, ни дальних, ни близких, ни друзей, ни подруг... А те друзья семьи Ковальских, что были, давно потерялись где-то за время бурных и непростых перемен в стране.

И именно в этот момент нарисовалась в Машкиной жизни вроде как подруга – знакомая их семьи Владлена Александровна Корж. Вдова папиного однокурсника, с которым Владимир Ковальский когда-то работал вместе. Однокурсник давно почил, а жена осталась здравствовать и присутствовала на папиных похоронах, к тому же у нее обнаружился сын Юрий Всеволодович, который работал в министерстве. Чиновничал.

«Подруга» семьи, которую Машка отродясь не видела – да на похоронах она вообще никого и ничего не видела и не замечала, – держала Машку за ручку, сочувствовала, обещала «не оставить одну в беде», приезжала, навещала чуть ли не каждый день.

И как-то неожиданно стала Машкиной свекровью.

Лежа на раскаленном песке калифорнийского пляжа, Машка все пыталась вспомнить дату своей свадьбы и события самой свадьбы и не смогла.

У нее имелась куча фотографий и свидетельство о браке – все такое официальное – и отрывочные, смутные воспоминания о банкете в ресторане, и поздравления новобрачных какими-то важными приглашенными гостями.

И больше ни черта!

Даже свою первую брачную ночь она не могла вспомнить. Может, проспала на фиг?

Владлена Александровна и Юрик как-то моментально и основательно укоренились в ее жизни и взяли руководство всем на себя.

С Юрой ей стало тяжело с самого начала. Он был требователен, напыщен, назидателен, брезглив и всем недоволен. И приходилось постоянно держать спину, улыбаться, прислуживать, выслушивать нотации-поучения – короче говоря, соответствовать завышенным требованиям новых родственников.

И Машка выслушивала, выполняла, улыбалась и вкалывала, как раб в римских каменоломнях. А как же! Ведь она теперь была не одна, у нее есть семья – и муж, и свекровь. И никакого вселенского одиночества!

Они были недовольны всем, что она делала.

– Мария, – наставляла свекровь, – надо стараться! Семья – это трудная каждодневная работа! Юрочка занимает определенное положение в обществе и делает блестящую карьеру, ты должна это понимать, и окружить его заботой, и стараться соответствовать.

Ни черта она не понимала, но старалась «соответствовать».

Никакие Машкины звания, регалии, публикации, награждения и признание научным обществом не могли удовлетворить амбиций и требований этих двоих и были не в счет, как в детской игре – «это не в счет, не в зачет!».

Но Машка не замечала, по макушку находясь в науке, а по совместительству и в домашней работе – мыла, стирала, готовила, обслуживая небожителя чиновничьего, а на осознание реалий своей «семейной» жизни у нее не оставалось ни времени, ни сил.

Машка никогда не завтракала вместе с Юриком, вставала раньше его, готовила мужу завтрак, раскладывала на диване в гостиной его одежду на сегодняшний день, вплоть до поглаженных носков и трусов, подавала ему еду, держала спину, чмокнув в щеку на прощание, закрывала за ним дверь и только тогда расслаблялась.

Варила себе кофе, усаживалась с чашкой на лоджии, отпускала спину и пребывала в получасовой, единственной за весь день блаженной расслабухе.

И так пять лет! По стойке «смирно»! Во фронт! Арийская муштра!

И ни одного разочка! Ни разу! Она не задумалась – а на хрена ей такое «счастье» семейное надо?

Вот как напугалась своего вселенского одиночества! Ну и, разумеется, этот многолетний недосып, вкалывание в науку упорное, наперекор всем, и пережитое горе.

Там, в Калифорнии, где не надо было ни о чем заботиться – радостно, свободно заниматься любимым делом, без каких-либо бытовых трудностей и проблем, и отдыхать – она неожиданно четко все поняла и осмыслила про свою жизнь!

И приняла решение.

Расплатившись и отпустив бригаду уборщиков и слесаря, Мария Владимировна приступила к следующему пункту плана. Распаковала, развесила и разложила свои вещи, освободив место в чемоданах и сумках для Юриных. Планомерно обошла всю квартиру и собрала все до единой вещички мужа: и любимую чашку, и все подарки от коллег, и сервизец, подаренный маман на его тридцатипятилетие, фотографии, парфюм, и зубную щетку, присовокупив продукты из холодильника, – словом, все!

Для Юринога добра упаковочной тары не хватило. Оброс-то дорогим шмотьем барин! Что не поместилось, Машка рассовала по пакетам и выставила в прихожую «нажитое» Юрием Всеволодовичем, носящим несклоняющуюся фамилию Корж, которую Мария Владимировна отказалась взять при вступлении в брак из соображений вполне логичных – слишком многие документы пришлось бы исправлять, переоформлять. До того ли ей было или господь надумил?

Вот теперь можно и душ, и переодеться! А лучше ванную!

Належавшись в ванне, Мария Владимировна уложила волосы, нарядилась, надела чудесное платье калифорнийского приобретения и босоножки к нему.

– Ну, так! – осталась она довольна осмотром себя в зеркале. – У меня праздник!

Доставили заказанный ею ужин, Маша расплатилась, отказалась от дополнительных официантских услуг – сама накроет. С удовольствием!

Что еще? Да! Чуть не забыла! Надо позвонить соседу Саше.

Осмотрев сервированный стол, Мария Владимировна зажгла свечи, достала из холодильника шампанское...

Раздался звонок в дверь. Муж пришел домой.

Придерживаясь условностей, позвонил, а не стал ковыряться ключом в новом замке – типа встречай, дорогая, любимого! Да встречу, что ж не встретить-то!

– Здравствуй! – Юрик, войдя, приложился к ее щечке и не удержался: – Мария, ты что, до сих пор не разобрала вещи? У тебя было много времени.

– Здравствуй, Юра, – поздоровалась Машка.

Он принес с собой небольшой букет и бутылку шампанского.

– Ну что, ужин готов? – сделал вид, что не заметил откровенного игнорирования его вопроса.

– Да, проходи.

– Почему на кухне? – спросил недовольно муж.

Юрик не признавал кухонных посиделок, это так по-народному, по-простецки, плебс какой-то, предпочитал накрытый в гостиной стол и в торжественные моменты, и без них, в выходные.

– Мне здесь удобней, – ответила Мария Владимировна, свободная в своих волеизъявлениях гражданка.

И на этот раз Юра сделал вид, что не заметил Машкиного нарочитого игнорирования его поучительного недовольства.

– Хороший стол! – похвалил муж. – Вот что значит – жена дома!

Машка молча села на свое место, предоставив Юре открывать шампанское.

Хлопнула пробка, он разлил пенящуюся жидкость по бокалам и поднял торжественным жестом свой:

– С приездом, дорогая!

Машка усмехнулась про себя: «Позвольте-с! А как же горячие поцелуи, обнимания-прижимания после столь долгой разлуки?»

– Спасибо, – поблагодарила сухо.

Они чокнулись, отпили по глотку, и Юрий приступил к праздничной трапезе.

– Ты похорошела! Загорела как! – пережевывая салат, заметил перемены муж. – И помолодела! Ты что-то там делала с лицом?

– В каком смысле?

– Пластику? Или что-то еще?

– Нет, – рассмеялась Машка.

– Но выглядишь превосходно! – Он поднял бокал, предлагая выпить за Машкин превосходный вид.

Мария Владимировна поддержала. Чего ж не поддержать хороший тост?

Все так же тщательно пережевывая пищу, Юрий продолжил светскую беседу:

– Как там твои американские студенты?

– Получают американское образование. Хорошие такие студенты.

Намазывая бутербродец красной икоркой, которую любил и которую Мария Владимировна заказала специально для прощальной гастроли мужа, Юрий устало-печальным тоном начал повествование и о делах своих:

– А у нас все по-старому...

И принялся рассказывать о трудностях чиновничьего труда, тупости просителей-посетителей, подковерных интригах, поощрении его начальством, об ожидаемом повышении.

Маша, не слушая, ела, наслаждаясь закусками.

– Иван Григорьевич намекнул, будто говорят, что моя кандидатура рассматривается первой.

– Поздравляю, – равнодушно отозвалась Машка. – Горячее?

– Да, можно, – разрешил Юра и налил в бокалы еще шампанского.

Отведав горячее, Юрий Всеволодович предложил тост:

– За тебя! Сразу стало тепло в доме, и прекрасный ужин! – Повторился: – Вот что значит – жена дома!

Машка согласилась, чокнувшись с его бокалом: жена в доме – это хорошо. Отрезала ломтик прекрасной нежной говядины, поинтересовалась:

– А что, девушки тебя не кормили? – И отправила отрезанный кусочек в рот. – В частности та, которую я обнаружила в квартире по приезде?

Он поморщился, очень недовольно, потянулся за бокалом, допил до дна.

– Давай обойдемся без пошлых скандалов, Мария!

– Да господи упаси! Какие скандалы, Юра! – уверила со всем воодушевлением Мария Владимировна, в прошлом примерная жена.

– Вот и замечательно. Ты умная женщина и все понимаешь.

– Что, например? – уточнила степень своей понятливости Мария Владимировна.

– А чего ты ожидала? Я нормальный мужчина со своими потребностями. Ты же не думала, что я могу обходиться без женщины полгода?

Удивительно, да?

Уезжая, именно так она и думала, что он вполне сможет обходиться без секса полгода – при ее постоянном присутствии рядом он же обходился месяцами без секса.

«Или уже тогда не обходился? – равнодушно подумалось Машке. – Слово-то какое емкое – «обходиться», это когда кого-то или что-то обходят стороной».

И поразила своим отстраненным мыслям, ползущим, словно через вату.

Тягучую сладкую сахарную вату, которую накручивает на деревянную палочку уличный продавец-иллюзионист, добывая огромный воздушный, ванильно пахнущий ком из неказистого алюминиевого котелка с моторчиком.

Стресс, или перелет тяжелый, пояса, что ли, часовые догнали, или хлопоты по торжественному проведению праздника своей новой свободной жизни?

– Что ты так смотришь? – спросил в раздражении Юрик. – В этом нет ничего удивительного, тебе всегда было некогда, ты постоянно работала, и по ночам тоже, и мало интересовалась моими потребностями.

– Потребности, особенно твои, – это дело важное, – согласилась Машка.

Юрик посмотрел на нее внимательно, заподозрив наличие сарказма в этом утверждении.

– Да. Это важно, и то, что ты этого не понимала...

Юрик углубился в пространные объяснения на тему Машкиной несостоятельности как женщины, с намеком на ее фригидность и недальновидность, а она, откинувшись на спинку стула, взяла в руки бокал, потягивала шампанское и, не слушая нравоучительной проповеди, разглядывала его.

Не как мужа или родственника, которого знаешь давно, видишь каждый день, не замечая изменений во внешности, да и не придавая значения внешности как таковой.

Что ее замечать-то?

Привычное, близкое.

Сейчас в первый раз она рассматривала его как постороннего, как незнакомца, когда не знаешь, что это за человек и что от него ожидать, поэтому и вглядываешься внимательно в детали, анализируешь каждое выражение лица, мимику, жесты, произносимые слова.

Надменно-брезгливая, снобистская физиономия – приподнятая левая бровь, сжатые в тонкую линию губы, заостренный кончик носа, – мышцы, морщины, складки кожи годами удерживали эту маску, прочно зацементировав.

У Юры всегда было такое выражение лица, и если в молодости еще можно было что-то исправить, пока маска не устоялась, затвердев – улыбкой, переменной характера, – то теперь все! Словно из-под тяжелого железного пресса выскочила горячая отштампованная заготовка определенной конфигурации – на века!

Маше привез в подарок такую один коллега из Испании. Эти маски делали по старинной технологии, которую держали в секрете и передавали по наследству – от отца к сыну. Кожу выделяли особым способом до тонкости необычайной, столь же таинственным способом ее разогревали до определенной температуры и натягивали на заранее выструганную из дерева заготовку в виде человеческого лица, давали остыть, когда маска затвердевала, сверху раскрашивали, придавая окончательный художественный смысл.

Маска Марии Владимировны не понравилась, у нее было жуткое, страдальчески-устрашающее выражение, но сделана она была потрясающе талантливо! Маша повесила ее на стену в своем кабинете, но через пару дней сняла и затолкала в шкаф, смотреть на нее оказалось неприятно – мурашки бежали по спине от выражения этого кожного лица.

Юра все говорил и говорил в своей любимой назидательно-поучительной манере, а она первый раз внимательно рассматривала человека, который считался ее мужем. Как он говорит, как двигаются его губы, брови, тщательно скрываемую лысинку на голове, прикрытую залакированными волосами, пузцо, старательно втягиваемое при ходьбе и умело прикрытое дорогой одеждой, как и раздобревший, тяжеловатый «тыл».

Сытый, холеный, оплывающий телом, малоприятный надменный мужик.

Боже мой!!!! Как он мог быть ее мужем?!

Пять лет!!! Не полгода, не год и даже не два – пять!!! Это какой идиоткой надо быть, чтобы так долго терпеть рядом чужого неприятного человека и ничего не видеть и не замечать?!

Она приняла решение в Америке, что разведется, как только приедет, но намеревалась сделать это спокойно, не торопясь, объяснив ему свою позицию и то, что не хочет и не может больше с ним жить, – путем мирных переговоров, так сказать. Но спасибо утренней барышне – приехав, поняла, что на фиг! Резать к чертовой матери!

«Он всегда был такой. Никто не виноват. Это ты больная, раз жила с ним, выслушивала весь этот напыщенный бред, что он несет, и ничего не замечала!»

Может, не сработала иммунозащитная система?

«С иммунозащитной у меня, видать, была беда целых пять лет! Пять лет каторжных работ давали при царях! Охо-хо!»

Все это лирика и никчемные уже рассуждения. И незачем винить себя – что было, то было! А что будет завтра, зависит теперь только от нее! Мария Владимировна Ковальская собиралась свое завтра сделать свободным и счастливым!

– Все! Хватит! – перебила она его обвинительную речь. – Торжественный ужин при свежих объявляю закрытым. Тебе пора, Юра. Мне надо отдыхать и выспаться.

– Что значит «пора»? – подивился остановленный в красноречии муж.

– Тебе пора домой, к маме, по месту своей прописки, – разъяснила Мария Владимировна. – Вещи твои я собрала, как ты заметил, они стоят в прихожей. Я собрала все, надобности приезжать за чем-либо еще у тебя не будет.

– Мария, ты что, с ума сошла? – выпучил глаза Юрик.

– Да, сошла, пять лет назад, когда позволила вам с мамашей влезть в мою жизнь. Давай, Юрик, прощаться!

– Маша, что за бред?! Ты что там, в Америке, понабралась феминистской ереси?

Так и спросил: «феминистской ереси». Любил Юрик витиевато и вычурно выражаться, все его тянуло в пафос: «ересь», «сподвижничество», «спесь».

– Не глупи, Мария, – лениво, сквозь усталый снобизм отмахнулся он и отпил неторопливо шампанского из бокала.

Да уж! Такая вот тяжелая необходимость объяснять, воспитывать нерадивую прислугу! И что характерно – сколько этой бестолочи ни объясняй, как правильно надо делать, ведь все равно что-то не так сделает: и хрусталь побьет, или вон вазу уронит, протирая пыль, или в борьбу за пролетарскую свободу полезет!

А что делать? Обязанность такая – кто как не барин?

Тяжело-о!

Машка усмехнулась, посмотрев на него, – нелегко Юрику придется! И поторопила:

– Юра, на выход! Я очень устала.

– Я никуда не пойду из своего дома! Если тебе необходимо изобразить возмущенную жену, можешь спать на диване в гостиной!

«Твой дом – тюрьма!» – вспомнила она папановское.

– А почему не на коврик в прихожей? – искренне подивилась Машка. – Это не твой дом, Юр, твой у мамы.

– Маша! – осознав, что она всерьез собралась его выставить, прибег к новой порции разъяснений Юра. – Тебя не было полгода, и то, что ты застала здесь девушку, не удивительно, я все это только что объяснял. Ты сама виновата, надо было предупредить о своем приезде! Я понимаю, как тебе это неприятно, и ты устала после длительного перелета и не совсем адекватна. Обещаю, что больше таких инцидентов никогда не произойдет, и я ничем не оскорблю твоей нравственности и чувств жены!

– Со своей нравственностью и чувствами, обещаю тебе, я разберусь как-нибудь сама. А тебе пора.

В самый подходящий момент раздался дверной звонок.

– Кто это? – резко спросил Юрик, недовольный тем, что его прервали.

– Это Саша, сосед, я попросила его зайти, помочь тебе перенести в машину вещи.

– Ты втянула в семейный конфликт постороннего человека?! – возроптала чиновничья душа.

– Ну, какой же он посторонний? – подивилась Машка, вставая. – Он сосед, а соседи – это почти родственники. Посторонний здесь ты, Юра.

И пошла открывать. Она продумала и это, зная, что не расхлебается до утра, затягиваемая, точно в омут, Юриными обвинительно-поучительными монологами и возмущениями. При зрителях он выяснять отношения не станет. Это нам не по рангу.

– Сейчас, Саш!!! – крикнула она в дверь и повернулась к Юре. – Завтра я не могу, занята, а послезавтра подам на развод.

Взяла с тумбочки в прихожей ключи от машины, положенные Юрой на привычное место по приходе домой, и открыла дверь.

– Привет, Саш! – поздоровалась радостно с соседом. – Я пойду, подгоню машину к подъезду и открою багажник, а вы несите вещи.

– В один заход не получится, – окинул взглядом чемоданы, сумки и пакеты Саша. – Привет, Юр! – поздоровался он с выходящим из кухни Юрой.

Барин поморщился, он терпеть не мог панибратства от людей ниже его по социальному статусу.

Машка активно руководила загрузкой барахла в джип и, когда перенесли и уложили в машину последние пакеты, кинула ключи Юрику.

– Маша, подожди! – потребовал он, поймав ключи.

– Все, пока! – махнула она рукой и зашла в подъезд.

Убрала все на кухне, приняла душ и со счастливой улыбкой рухнула на постель – спать.

И так и проспала всю ночь – улыбаясь.

Само собой, что отделаться от Юры, просто выставив его за дверь, не удалось.

Кто же добровольно откажется от раба? Раб – это дорогостоящая собственность, которая не имеет права на недовольство и проявления чувств. Вон стол, например, или стул, или кухонный комбайн не могут же возмущаться, что они чья-то собственность!

И она права не имеет! Да еще так оскорбив его!

Всякая «феминистская ересь» и попытка бунта должны быть истреблены!

Немедленно и беспощадно!

И вполне вероятно, что попытка истребить немедленно и беспощадно увенчалась бы успехом, если бы Машка бунтовала.

Но это не был бунт, не восстание Спартака и его соратников, и не революция семнадцатого – ничего воинственно-глобального или менее глобального – ропот затиранных до тупости масс.

Не-а!

Просто в один прекрасный день Мария Владимировна проснулась под добрым калифорнийским солнышком и вернулась к самой себе, истинной.

Пять лет была одинокой, брошенной всеми девочкой, упакованной в оболочку правильной жены от страха одиночества, а от длительной транспортировки на другой континент и предшествующей ей пятилетней «кантовки» упаковка лопнула, и из образовавшейся прорехи высвободилось содержимое, оказавшееся мыльными пузырями, а не пудовыми гирями страха, как ей все время казалось.

Пузыри полетели ввысь, весело лопааясь в полете, упаковка распалась за ненадобностью, и из ее остатков вышла настоящая Мария Владимировна.

И подивилась – как хорошо-то!

А это кто? Что эти чужие незнакомые неприятные люди делают в ее квартире, в мыслях, закрепившись синим штампом в паспорте, определяющим семейное положение?

Конечно – а как же! – он позвонил на следующее утро, успев опомниться, придумать нужные слова, манеру и тон разговора и достойное наказание.

– Надеюсь, ты выпалась и пришла в себя!

Без ненужных приветствий, недовольным, грозным тоном прокурора, только что подписавшим ордер на ее арест.

– Да, спасибо, – ответствовала Машка и потянулась с удовольствием всем телом на кровати.

Юру насторожил тон жены, не убоявшейся ни ордера, ни ареста, ни самого прокурора.

– В обед в два часа встретимся в нашем ресторане. Поговорим! – распорядился прокурор.

– О чем? – поинтересовалась вышедшая из-под контроля Машка.

«Сейчас скажет: «О твоём вчерашнем поведении!» – как школьная директриса притянутому за ухо к ней в кабинет набедокурившему ученику».

Ученику положено было проникнуться ужасом масштаба сотворенного им деяния, трепетать до дрожи в ожидании неминуемого сурового наказания и вызова родителей в школу.

Но, видимо, такой сценарий укорота Машкиных свобод не разрабатывался, и Юрик остался приверженцем прокурорской линии поведения.

– В два. В ресторане! – прогремел приказом и бросил трубку.

Ну, он может быть в два в ресторане или в восемь в Папуа – Новой Гвинее, а у Марии Владимировны есть свои насущные дела.

Когда она попивала кофей в кабинете своего академического начальства, рассказывая веселые истории из своей американской жизни, предварительно оговорив и решив все деловые, отчетно-бумажные и рабочие вопросы, «нетерпеливый муж» напомнил о себе звонком сотового телефона.

Извинившись перед академическим начальником, Машка нажала на мобильном, разливающимся требовательными перезвонами, кнопку с изображением зелененькой трубочки.

– Да!

– Ты опаздываешь на полчаса! – огласил свое недовольство заделавшийся на сегодня прокурором Юра.

– Я? – необычайно подивилась Машка. – Куда?

– В ресторан!!! – громыхнул Юрик.

Он никогда не позволял себе повышать голос – зачем? Интонаций недовольства и их вариаций в голосе вполне хватало для управления женой.

– А я должна быть в ресторане? – продолжала удивляться Машка, быстро зыркнув на академика Янсона.

Он смотрел на нее и внимательно слушал.

Академика можно было не опасаться. Кирилл Павлович любил Машку по-отечески, опекал, уважая ее талант, целеустремленность, настойчивость и колоссальный упорный труд.

А Юру не любил и откровенно не понимал его присутствия в Машкиной жизни, но с врожденной тактичностью и интеллигентностью не позволял себе нравоучений и обсуждений. За пять лет Машкиной семейной жизни лишь пару раз не удержался от комментария.

Однажды Юра пришел как-то за ней на кафедру, где они тесным кругом, предваряя громкое официальное чествование, поздравляли академика Янсона с наградой. Юра зашел, неся себя и свое недовольство, надменно кивнул окружающим, сообщил, что ждет Марию за дверью, и вынес себя из помещения.

– И как это ты, Машенька, себе такого портфеленосца отыскала? – грустно спросил Кирилл Павлович.

Он всегда чуть грустил, когда возле Машки шелестело напоминание о Юрике.

Еще один раз академик не удержался на заседании научного совета. Она забыла отключить мобильный, Юра позвонил и что-то там требовал, отчитывал. Застигнутая врасплох Машка лепетала оправдания шепотом, прикрыв трубку ладошкой. Кирилл Павлович в этот момент шел к трибуне для чтения доклада и остановился возле нее, сидевшей в крайнем кресле у прохода, положил ладонь на плечо, чуть наклонился к ней и тихо сказал:

– Попросите его преувеличенное высочество позвонить чуть позже.

И величаво двинулся дальше.

– Мы договорились в два часа встретиться в ресторане! – бушевал в трубке «портфеленосец».

– Ты ошибаешься, – спокойно возразила Машка.

Встала, кивнула, извиняясь, Кириллу Павловичу и отошла к двери – все-таки ей было неудобно перед академиком.

– Ты это специально сделала? Да? – сообразил Юрик. – Подчеркнуть свою независимость?

– Да бог с тобой, Юра! – остудила его Машка и глянула быстренько на Янсона. – Мне нет необходимости что-то подчеркивать и демонстрировать тебе. Ты распорядился, а меня твои приказы и распоряжения уже не касаются. Тебе надо в ресторан, ну и будь там! Я-то тут при чем?

– Ты выставила меня идиотом! Я сижу здесь, жду! Это хамство!

Машка просто отключила телефон. Чего ради она должна выслушивать вопли и обвинения чужого человека да еще вступать с ним в дебаты?

Подумала и выключила телефон совсем.

– Машенька, – осторожно спросил Кирилл Павлович. – У вас какие-то нелады в семье?

– Нет! – радостно улыбаясь, сообщила Машка. – Теперь полные «лады»! Я вчера его выгнала с вещами из дома и из своей жизни!

Она вернулась и села на место. Академик помолчал недолго и спросил:

– Помощь нужна?

А Машка подумала, что помощь ей очень даже кстати.

– Да! Мне надо как можно скорее развестись! Вот прямо завтра, а лучше сегодня!

Кирилл Павлович засмеялся добрым приятным смехом.

– Сегодня – это вряд ли, а на днях попробуем.

Он что-то записал на настольном откидном календаре, которым пользовался вместо всяких там новомодных органайзеров и расписаний в компьютере. Расписание в компьютере, конечно, тоже имелось, но в календарике академик Янсон делал пометки личного характера.

– Имущество делить надо? – продолжая писать, спросил он.

– А нет у нас совместно нажитого имущества! – веселилась Машка. – Квартира моя, досталась от родителей, евроремонт в ней тоже мой. Я бабушкину в Севастополе продала года два назад и все деньги ухнула на глобальное изменение интерьера! Мне очень повезло с дизайнером. Необыкновенная женщина Ольга Петровна – энергичная, талантливая, стройная такая, на девчонку похожа, и мудрая, как египетские пирамиды! Она про Юрика все сразу поняла и мои «мужу нравится это и вот это» мягко так, тактично задвинула. И настояла, чтобы квартиру, каждый уголок, делали под меня. Дипломатично: «Вы ведете все хозяйство и много работаете, и дома работаете по ночам, значит, обстановка вокруг вас должна быть максимально комфортной и уютной для вас во всем, в каждой мелочи!» А во-вторых, она следила за финансами. Я предложила снять со счета сразу большую сумму и ухнуть в стройку. Но она объяснила, что так неправильно, и снимала со счета деньги копейка в копейку по смете и чекам. Я тогда спросила: зачем? А она загадочно отмахивалась: «Пригодится». Спасибо ей огромное, я ведь только в Америке доперла зачем! А вот как раз за этим! Сейчас у меня на руках благо-

даря ей все документы, подтверждающие, что ремонт и обстановка произведены за мой счет! А прописан он у своей мамы, дабы не потерять собственность, мало ли чего!

– А что ж муж чиновничьи доходы не вкладывал?

– Вкладывал! – радостно отрапортовала Машка. – В себя! Дорогая одежда, курорты, рестораны, развлечения, даже салоны красоты! Ей-богу, не вру! Добавил к оставшимся от ремонта деньгам свои сбережения, накопленные нелегким кресельно-кабинетным трудом, и купил джип. Вот скажите, Кирилл Павлович, зачем ему джип? Все его бездорожье – это одна колдобина на въезде у дома!

– Для престижа! – предположил академик, заразившись Машкиной развеселой бесшабашностью. – Давай-ка, Мария Владимировна, еще по кофейку да с коньячком. – И заговорщицки подмигнул: – За твою Liberty, так сказать!

Отдал распоряжение секретарю по селектору и вернулся в разговор:

– Значит, делить нечего?

– Денежку Юра считать умеет. Он же понимает, что присудят ему полмашины и оплатить половину ремонта и купленных вещей. Машину я и так ему отдам, а вредить «престижу» и «доброму» имени участием в судебных разбирательствах – ни, боже упаси! Ни-зя-я!

– Да уж! – кивнул академик и спросил строго, перестав улыбаться: – Ты твердо решила? Может, вы поругались и ты обиделась?

– Я не могу на него обижаться, Кирилл Павлович, – перестала улыбаться и она. – И обидеться не могу, он чужой мне человек. Посторонний. Я это в Америке поняла, я там очень многое поняла про свою жизнь.

И она рассказала все Кириллу Павловичу под кофе с коньячком и все отключенные телефоны очень занятого, невероятно занятого академика Янсона.

– Так, – выслушав, академическим тоном заключил Кирилл Павлович. – У меня есть замечательный адвокат. Великолепный прохиндей, как и положено в такой профессии. Он делает все быстро: разведет и бумаги, какие надо, заставит твоего чинушку подписать, тем более ты говоришь, что скандалы могут попортить его салонное лицо.

А Машка чуть не разревелась – хлопала ресницами, загоня навернувшиеся слезы назад.

Какого такого вселенского одиночества она испугалась до умопомрачения тогда, пять лет назад?! Нет и не было никогда никакого одиночества!

А была обожаемая ею до полного восторженного погружения по самую макушку работа, и академик Янсон был, и сама у себя она была!

А когда человек есть сам у себя, полностью есть – с набором уважения, любви, поощрения, поругивания за глупости и ошибки, балования себя, родного такого, каким уродился, – то нет и быть не может никакого вселенского одиночества!

Юрик надрывался желанием вернуть в стойло взбрыкнувшую женушку, звонил, отчитывал, грозился, требовал немедленной аудиенции для разбора полетов, но Машка отключала телефон, не вступая в переговоры.

На следующий день Маша поздно вечером, ближе к ночи, открывая входную дверь, услышала разливающиеся по пустой квартире трели телефона. Подозревая, кто может ее домогаться посредством телефона, она не торопилась кидаться к трубке. Закрыла дверь, сняла обувь, втайне надеясь, что звонившему надоест ждать.

Не тут-то было!

– Да, – устало отозвалась Машка на долгий призыв поговорить.

– Мария? Что у нас с дверью, я не мог попасть в дом!

За последние двое суток Юрик, видимо, подзабыл, что воспитанные люди здороваются, когда звонят.

– У меня с дверью все в порядке! – порадовала его Машка. – У меня надежная железная дверь!

Прошла босиком в кухню, включила чайник, прижала трубку с неугомонным мужниным голосом внутри плечом к уху, доставая кофе и турку, – еще надо поработать, а спать уже хочется, вошла во вкус здорового сна за полгода-то!

– Ты что, сменила замки?! – потрясенным возмущением полупшепотом вопрошал Юрий, не поверив в такую возможность.

– Ну конечно, сменила! А то мало ли кто может прийти!

Новость была трудно перевариваемой для нежного организма российского чиновника.

– Это безумие! – выдавил ударник бюрократического труда. – Что с тобой произошло, Мария? У тебя стресс, или ты так обиделась, или что-то случилось там, в Америке?

«Со мной случилась Liberty по кличке Свобода!»

И, опьяненная этим вирусом, Машка доброжелательно посоветовала Юрику:

– Ты возьми ключи у мамы или у кого ты там сейчас живешь.

– У тебя точно что-то произошло с психикой! – медленно приходил в себя Юрий Всеволодович.

– Коллапс? – предположила, балбесничая, Машка.

– Мария! – тоном ставящего диагноз врача постановил Юрий. – Ты не отдаешь отчет своим действиям! У тебя расшатались нервы!

Машке надоело! Сколько можно-то?!

– Юр, притормози! – жестко, с нажимом остановила она его. – Не советую двигаться мыслью в данном направлении. У меня имеются справки, заверенные российскими и американскими врачами, о полной моей вменяемости и психической нормальности! Они, знаешь, американцы-то, весьма в этих вопросах щепетильны. Это я на тот случай тебе говорю, если вдруг ты решишь, что можно меня и в дурдом пристроить для дальнейшего твоего комфорта и благолепия! Привыкай и осваивай мысль, что мы разведены. Все! Меня больше нет в твоей жизни!

– Что ты такое говоришь! – возроптал страдалец. – Я...

– Юра! – перебила Машка. – Пошел в жопу!

И отключила трубку.

Утром ее сон прервали колокольчатые трели звонка в дверь. Разбуженная, еще не перестроившаяся во временных режимах, Машка сползла с кровати, кое-как разлепив глаза по дороге к двери, и окончательно проснулась, посмотрев в глазок.

Прибыла тяжелая артиллерия в лице свекрови.

«Как это я про нее забыла?» – подивилась Машка и открыла дверь.

Владлена Александровна окинула критическим взором невестку с ног до головы. Похоже, босоногая Машка в коротенькой шелковой ночнушке с помятым лицом и буйной взлохмаченной гривой волос ей не понравилась.

– Десять часов утра, Мария! Ты что, спала?

«Нет, блин, гусей пасла у стен дворца в соответствии с призыванием!» – раздражилась влет Машка.

Владлена Александровна царским указующим жестом руки отодвинула с порога невестку-пастушку и вплыла в прихожую. Брильянтово-шелковая, каблучно-голенастая, плаستيку-хирургически стройная, безморщинная, причесочно-уложенная, и все это в десять непастушковых часов утра.

– Женщина не имеет права так расслабляться! – двигаясь по направлению к кухне, одаривала мудростью она. – Прибери себя! Нельзя же так!

Ошеломленная неожиданностью нападения, Мария напряглась, но сразу опомнилась.

«Да уж! Пятилетняя дрессировка не проходит так быстро, знаете ли!» – сообщила она кому-то про себя.

И всерьез обдумывала, не предложить ли сразу бывшей свекрови присоединиться к сыну в походе в том направлении, которое она ему вчера указала?

Ну, не до такой же степени, одернула себя Мария Владимировна, не до такой! Опять-таки, пятилетняя муштра даром не проходит, и из уважения к ее морщинам...

«У Владлены нет морщин. При намеке на морщины представительницы этой социальной прослойки тут же бегут к пластическому хирургу. Поэтому уважение к ним проявлять не требуется!»

Проигнорировав предложение «прибрать себя», Машка потащилась за свекровью в кухню, где та уже «царила». Провела указательным пальчиком по столешнице, брезгливо его порассматривала на предмет обнаружения грязи, смахнула большим пальцем увиденное.

Обнаружила или нет, осталось непонятно.

– Свари мне кофе, – повелела императрица.

Машка не шелохнулась, смотрела на неожиданную гостью, привалившись плечом к стене.

– И оденься, будь добра!

– Зачем? Вы уйдете, а мне еще поспать надо, – ответила непокорная пастушка.

Владлена на открытый бунт отреагировала приподнятой аристократической бровкой.

– Не надо так явно демонстрировать хамство, Мария. Я пришла поговорить.

«Ну да! А я думала пожелать мне доброго утра!»

Она расстроилась от неизбежности общения и невозможности остановить сабельную атаку свекрови. Пришлось одеться и сварить кофе, и подать к нему сыр и нарезанный прозрачными дольками лимон, сесть напротив и подождать, когда свекровь сделает глоток, оценит мастерство приготовления и качество продукта и приступит к изложению цели своего визита.

Понятную и без изложения.

– Юра мне все рассказал, – приступила Владлена, оценив кофе мимикой где-то на троечку по пятибалльной шкале.

– А именно? – подтолкнула репликой течение разговора Машка.

– Что ты приехала из Америки не в себе, с расшатанными нервами, устроила ему неприличную сцену и выставила из собственного дома!

Машка вдруг развеселилась, как от хорошей комедии, – искренне и беззаботно, откинулась на спинку стула и отпила кофе из своей чашки.

– Это недопустимо, Мария! Если у тебя расшаталась психика, то ее надо лечить! Я утром созвонилась с одним моим знакомым, специалистом в этой области, мы обсудили твою симптоматику. Он готов тебя принять и назначить курс реабилитационного лечения. Нельзя же распускаться! Женщина обязана сохранить семью, заботиться о муже и не имеет права опускаться до вульгарных скандалов! Ты и так-то с трудом справлялась со своими обязанностями, а Юра терпел. Но вести себя столь неподобающим образом!

Машка уже не задавала себе безнадежно непродуктивных вопросов, как ее угораздило вляпаться в эту семейку, а раздумывала над более насущными в данный момент делами.

А именно: послать Владлену сразу, рубанув по-рабоче-крестьянски, подтверждая свекровины многолетние подозрения в Машкином плебейском тупоумии, или вступить в диалог и как-то интеллигентно все ей растолковать?

Послать сразу не позволяло воспитание, но и затягивать визит, выслушивая неуместные назидания, тоже не хотелось.

– В конце концов, ты сама во всем виновата!

О как!

Видимо, Машка пропустила какую-то существенную часть обвинительно-наставительной речи, приведшую свекровь к данному утверждению, занятая обдумыванием, как побыстрей и эффективней направить Владлену на выход.

Из квартиры и ее, Машкиной, жизни.

– Конечно, виновата! – увидев Машкино веселое удивление, повторилась свекровь. – Ты бросила мужа на целых полгода, а он молодой, здоровый, интересный мужчина с естественными желаниями. А как ты думала? И ты не имеешь права его осуждать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.